

## ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В НЕОПОЗИТИВИЗМЕ

ПАВЕЛ АГАЯН

Вопрос о том, как мы понимаем природу философского знания, тесно связан с проблемой философской аргументации. Различные философские школы, в зависимости от решения второй проблемы, по-разному решают и первую проблему. Характерным для различных философских направлений является то, что вместо термина «доказательство» по отношению к философии употребляется термин «аргументация». И такое различие в терминологии имеет свои глубокие философские корни, указывающие на трудности решения такой фундаментальной для философии проблемы, как демаркация философии и конкретных наук. Представитель любой философской школы согласится с Ф. Вейсманом в том, что «философия очень не похожа на конкретные науки...» и в первую очередь потому, что философские аргументы работают не так, как это имеет место в математике или в естествознании<sup>1</sup>. Но как ни парадоксально, такое безобидное соглашение является сигналом для довольно резкой атаки на философию и особенно на ту ее часть, которую позитивисты называют метафизикой. «Приведите в качестве примера хоть одного философа, у которого есть хоть одно доказательство»,—говорит Г. Райл<sup>2</sup>. В результате этой атаки оказывается, что философскому знанию нет места в системе научного знания (именно так утверждает неопозитивизм), или в лучшем случае философское мышление находит убежище в области иррационального, как это имеет место в антропоцентризме<sup>3</sup>.

Известно, что в свое время Юм считал, что философия не содержит в себе ничего иного, кроме софизмов и иллюзий. Утверждение Юма основывалось на том, что философское знание не является ни математическим, ни экспериментальным, а, следовательно, вообще не является знанием. Единственное, что мог предложить Юм,—это сжечь книги по философии. Юмовская традиция была основательно развита неопозитивизмом. Вопрос Канта «Как возможна научная дисциплина?» в неопозитивизме получает диаметрально противоположный вид, а именно: почему философия не может считаться научной дисциплиной? На вопрос «Что есть философия?» Вейсман отвечает: «Я не знаю... Наверно проще указать, что не является философией»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> F. Walsmann, *How I see Philosophy*, („Logical Positivism“, New York, 1966, p. 345).

<sup>2</sup> Discussion („Revue Internationale de Philosophie“, 1954, fasc. 1—2, N 27—28, pp. 159—165).

<sup>3</sup> M. Lazerowitz, *The Structure of Metaphysics*, New York, 1955; его же, *The Language of Philosophy*, Dordrecht, 1977.

<sup>4</sup> F. Walsmann, указ. соч., с. 345.

Причиной элиминации философского знания является то, что, во-первых, в философии отсутствует прогресс и, следовательно, философская аргументация не подводит к новому знанию, и, во-вторых, философские высказывания просто бессмысленны. Именно эти два аспекта мы и рассмотрим.

1. Неопозитивисты указывают на тот факт, что в философии нет такой проблемы, которая получила бы однозначное решение, и что любой философский вопрос—это источник бесконечных споров, которые за две тысячи лет не привели к какому то ни было определенному результату: вся западная философия, по утверждению Уйтхеда, есть серия примечаний к Платону<sup>5</sup>. В противоположность этому, в конкретных науках имеется определенный прогресс, т. е. можно указать на множество научных проблем, о которых никто не спорит. В этом плане философия противопоставляется конкретным наукам на том основании, что если в философии наличие разногласий свидетельствует об отсутствии прогресса, то в естествознании наличие согласия является критерием прогресса. Очевидно, что такое противопоставление говорит не в пользу философии. Но является ли правомерным противопоставление философии конкретным наукам? Думается, что нет. Неопозитивисты описывают положение вещей так, будто в конкретных науках все спокойно, относительно многих проблем уже нет никаких споров и т. д. Но если нет споров, то это означает, что эти проблемы получили окончательное решение, т. е. являются абсолютными истинами. Очевидно, что наука содержит в себе не только абсолютные истины, но и спорные проблемы: в противном случае в науке не было бы борьбы идей, а следовательно не было бы и развития. Более того, история науки знает случаи, когда в данной области какая-либо проблема, получая решение, в дальнейшем вновь возникает в связи с развитием данной дисциплины. В качестве примера достаточно вспомнить те трудности, которые возникли в математике в связи с апориями Зенона и которые снова и более существенно дали о себе знать в наше время в связи с обнаружением парадоксов в теории множеств. Мы не хотим сказать, что так обстоит дело со всеми научными проблемами, а только указываем на то, что в науке также есть такие проблемы и их немало. И нет ничего удивительного в том, что и в философии, и в конкретных науках одна и та же проблема может возникнуть не один раз и получить неоднозначное решение в соответствии с уровнем развития той или иной дисциплины. В этом и заключается суть диалектического понимания относительной истины. Другое дело, что в философии больше споров, разногласий и сомнений, чем в конкретных науках. Но это так и должно быть, и причину этого следует искать не в противопоставлении философской аргументации естественнонаучному доказательству. Она заключается не в порочности философской аргументации, а в самом характере философских проблем.

Ученый решает проблемы по форме «Если А, то В», указывая тем самым, что при истинности принятых предпосылок проблема имеет определенное решение. Проблема истинности самих предпосылок не является объектом исследования ученого. Проблема истинности предпосылок встает перед ученым только тогда, когда в теории возника-

<sup>5</sup> B. Blanshard, In Defense of Metaphysics („Metaphysics“, New Jersey, 1966, p. 335).

ют противоречия<sup>6</sup>. Но для ученого это означает лишь то, что надо создать новую, непротиворечивую теорию, которую он вновь строит вышеуказанным же способом, т. е. по принципу «Если А, то В». В этом смысле говорят, что наука отвечает на вопрос «как?». Такой процесс научного исследования имеет место и в философии, где философ также использует дедуктивные и индуктивные аргументы. Но тот же способ рассуждения свойствен не только философскому и естественнонаучному, но и всякому мышлению, и, следовательно, не этим характеризуется специфика философского знания. Философ отличается от представителя конкретных наук тем, что объектом своего исследования он делает саму проблему истинности, предпосылок теории. Следовательно, философ занимается тем, чем не хочет и не должен заниматься ученый. Думается, что именно это имели в виду Аристотель и Платон, когда говорили, что философия начинается с удивления и именно в этом смысле в наше время говорят, что философия отвечает на вопрос «почему?».

Вышесказанное означает, что философия и конкретные науки имеют дело с проблемами различного характера, что и оправдывает наличие большого количества споров, разногласий и сомнений в философии. Для ясности представленной здесь позиции вспомним легенду о Зеноне. Говорят, что у Зенона спросили: «Почему ты, Зенон, во всем сомневаешься?». Зенон нарисовал два круга, большой и малый, и сказал: «То, что находится внутри большого круга—это мое знание, а то, что находится внутри малого круга—это ваше знание. Все остальное, находящееся вне кругов, есть неизвестное нам знание. И так как большой круг в большей степени соприкасается с неизвестным знанием, чем малый, то понятно, что я должен сомневаться больше, чем другие». Мы не утверждаем, что точно такая же взаимосвязь существует между философией и конкретными науками, а лишь указываем на то обстоятельство, что объекты философского исследования труднее поддаются познанию, чем объекты конкретных наук, и именно этим объясняется спорный и несколько запутанный характер результатов философского мышления.

Надо отметить, что неопозитивисты, критикуя философию вышеуказанным способом, либо не учитывают, либо однобоко трактуют тот факт, на который они сами обратили внимание. Когда они говорят о наличии безрезультативных споров в философии, то неясно, о каких спорах идет речь. Ведь спор может произойти как между представителями одного и того же философского направления, так и между представителями различных направлений. Эти два случая отличаются и по своему характеру, и по поставленным целям, и по своим результатам. Еще Р. Карнап различал внутренние и внешние вопросы<sup>8</sup>, считая вопросы внутренними, если они возникают внутри

<sup>6</sup> Правда, история науки знает случаи, когда предпосылки теории ставились под сомнение и при отсутствии каких-либо противоречий. Так было, например, с 5-ым постулатом Евклида.

<sup>7</sup> Н. W. Johnston Jr., *What is Philosophy?* New York, 1965, p. 4.

<sup>8</sup> Ту же идею выражает Г. А. Брутян, когда вводит в теорию философской аргументации такие важные понятия, как «внутрифилософская аргументация» и «межфилософская аргументация» (см. Г. А. Брутян, *Очерки по анализу философского знания*, Ереван, 1979, с. 69—70).

определенной концептуальной системы, в то время как внешние имеют отношение к статусу и допустимости самой системы<sup>9</sup>.

А. Айер конкретизировал эту идею Карнапа в отношении к философии и совершенно правильно указал на то обстоятельство, что разделение философских вопросов на внутренние и внешние является относительным: один и тот же вопрос в философии может быть и внутренним, и внешним<sup>10</sup>, в зависимости от того, какое аргументативное поле<sup>11</sup> мы выбираем для его решения: так, например, вопрос о причинности, являющийся внутренним для любой философской школы, становится внешним, когда возникает спор между различными школами. Айер настаивал на том, что любая концептуальная система обладает достаточными критериями для решения внутренних вопросов, но когда философы пытаются разрешить внешние вопросы, то здесь уже нет общего критерия для решения проблемы, т. е. нет такого аргументативного поля, которое было бы приемлемо для всех участников спора. А поскольку, по меньшей мере, те философские вопросы, которые называют метафизическими, являются именно внешними, то отсюда вытекает, что попытки решить эти проблемы приводят к пустой трате времени. Именно из этого делается вывод о различии между философией и конкретными науками, который заключается в том, что философия имеет дело с внешними вопросами, а конкретные науки имеют дело как с внешними, так и с внутренними. Если это различие верно, то, конечно, надо согласиться с тем, что научные споры результативны, а философские — нет. Это согласие основывается на том простом факте, что в философии, в отличие от конкретных наук, нет аргументативного поля для спора, а без наличия общего аргументативного поля спорящие могут прийти к согласию только случайным образом. В противоположность этому мы утверждаем, что и в науке, и в философии имеются как внутренние, так и внешние вопросы, и что в обеих областях внешние вопросы часто переходят во внутренние и наоборот. Такое утверждение вытекает из того, что мы несколько по-иному понимаем задачу и цель спора как в науке, так и в философии. Неопозитивисты единственным критерием оправданности и необходимости спора считают достижение согласия. Но общеизвестно, что не менее важной целью спора может являться и критика позиции противника, ну хотя бы с помощью *reductio ad absurdum*. Ученый часто критикует определенную теорию, указывая на те недостатки или противоречия, которые в ней имеются. Подобная критика заставляет сторонников этой теории либо модифицировать ее таким образом, чтобы она не содержала указанных недостатков, либо создать новую, непротиворечивую теорию, конечно, в том случае, если ее модификация ни к чему положительному не приводит.

Примерно такую же картину мы наблюдаем и в философии. Что происходит, когда возникает спор между различными, порой противоположными, философскими системами? Любой такой спор содержит

<sup>9</sup> R. Carnap, *Empiricism, Semantics and Ontology* („Revue Internationale de philosophie“, 1950).

<sup>10</sup> A. J. Ayer, *Metaphysics and Common Sense* („Metaphysics“, New Jersey, 1966, p. 322—323).

<sup>11</sup> Под понятием «аргументативное поле» мы имеем в виду множество тех предпосылок, правил, соглашений и т. д., которые применяются участниками спора для решения какой-либо проблемы.

в себе две стороны: во-первых, критику позиции противника, и, во-вторых, достижение нового решения проблемы. Причем, необязательно, чтобы эти два элемента выступали вместе. Если критика обращена к слабым точкам критикуемой философской системы, то это заставляет сторонников рассматриваемой системы модифицировать ее. Такая модификация, если спор идет между противоположными философскими системами, обычно не приводит к новому решению проблемы; но если в результате такого спора не возникает нового решения вопроса, то это вовсе не означает, что нет прогресса. Любая удачная модификация системы представляет собой прогресс определенного рода. Примером такого процесса может служить история любой философской школы. Если же спор происходит между противоположными философскими системами, тогда возникает вопрос о том, каким образом он возможен. Ведь спорящие стороны имеют различные, и даже противоположные, аргументативные поля и, тем самым, различные предпосылки для ведения спора. Думается, что при столкновении противоположных философских систем не может быть речи о противоположности философских предпосылок у спорящих сторон, поскольку они не располагают какими бы то ни было философскими предпосылками. В этом случае философы имеют дело с внешними вопросами, а это означает, что спор ведется о правомерности и допустимости самих предпосылок системы, и, следовательно, выходит за рамки какой бы то ни было философской системы. В чем же критерий правильности или неправильности высказываний в этом случае? В качестве такого критерия может выступить только здравый смысл. Именно здравый смысл, который основывается на многовековой человеческой практике, оправдывает или опровергает философские теории. Правда, есть философские системы, которые не считаются со здравым смыслом. Речь идет, например, о таких высказываниях субъективного идеализма, как «материя не существует» или «время нереально»<sup>12</sup>. Но такие примеры, указывая лишь на несостоятельность определенных философских систем, ни в коей мере не влияют на репутацию здравого смысла, как критерия для ведения любого, в том числе и философского, спора.

Выше указывалось, что в результате спора может произойти не только модификация, но и качественно новое решение проблемы. Каким образом это возможно? Ситуация, когда у философов нет общего, приемлемого для противоположных сторон аргументативного поля, напоминает одну закономерность из международной политики. Известно, что если две страны находятся в состоянии войны, то от этого, в политическом отношении, выигрывает третья страна. Нечто подобное происходит и при столкновении противоположных философских школ. В спор включаются философы, которые считают, что для решения вопроса необходимо принять новые предпосылки, так как, по определенным причинам, неудовлетворительными считаются сами предпосылки, на которых основываются старые философские системы. Иными словами, создается новое аргументативное поле, включающее иные предпосылки, отличные от прежних, которые автоматически приводят к созданию новой философской системы. В этом случае проблема получает решение не в старых системах, и не на уровне здравого смысла, а в принципиально новой философской системе. Здесь можно было бы возразить, что старый спор

<sup>12</sup> А. J. Ауге. указ. соч., с. 322—323.

остался нерешенным, он просто отброшен. Но ведь не об этом идет речь. С точки зрения нашего рассмотрения существенным в этом процессе является то, что новое решение проблемы, и, следовательно, возникновение новой системы является непосредственным результатом, следствием борьбы старых философских систем. Именно такой представляется нам вся история развития философии, и именно этим объясняется не только противоречивость между различными философскими школами, но и противоречивость в рамках одной и той же философской школы, и даже противоречивость философского мышления у одного и того же философа в различные периоды. И в этом ничего страшного, как это пытаются представить неопозитивисты, нет. Этот процесс и называется диалектическим развитием философии или просто прогрессом, и в этом аспекте философия мало чем отличается от естествознания.

Неопозитивисты считают философскую аргументацию порочной и по другой причине, связанной со своеобразной интерпретацией учения Канта об аналитических и синтетических суждениях. Кант, разделив априорные высказывания на аналитические и синтетические, считал, что новое знание может быть получено с помощью синтетических высказываний посредством дедукции, в основе которой, тем не менее, лежит опыт. Неопозитивисты же утверждают, что все философские высказывания являются аналитическими, а, следовательно, философская аргументация не может привести к новому знанию. Согласно этой точке зрения, любые философские высказывания, типа «каждое явление имеет причину», «материя первична по отношению к сознанию или наоборот» и т. п., лишь объясняют, в каком смысле человек употребляет определенные термины, и нового знания в себе не содержат. Однако неопозитивистам было довольно трудно отстоять свои позиции, так как их оппоненты выдвинули множество серьезных аргументов против аналитической теории философского знания. Ставился, например, вопрос, каким же является высказывание самих неопозитивистов относительно того, что все философские высказывания аналитичны? Как разъясняет один из критиков неопозитивизма Б. Бланшард, само это высказывание является синтетическим<sup>13</sup>. А это означает, что неопозитивистская позиция сама в себе содержит противоречие.

Все это свидетельствует о том, что попытки неопозитивизма отрицать достижение прогресса и нового знания в философии не имеют серьезных философских оснований и что роль спора в философии столь же значима, как и в естественных науках.

2. Более сильно неопозитивисты критиковали философию в другом аспекте. Суть этой критики сводилась к тому утверждению, что философские высказывания бессмысленны, следовательно, ненаучны и должны быть элиминированы. Философия противопоставляется конкретным наукам на основании того, что если в научных дисциплинах имеются достаточные критерии для различения истинных высказываний от ложных, то в философии такие критерии отсутствуют. На языке неопозитивизма это означает, что научные высказывания осмысленны, в то время как философские — бессмысленны. Согласно неопозитивистам, есть ряд критериев, указывающих на бессмысленность философских высказываний. В качестве одного из самых простых критериев берется здравый смысл. «В философии нет ничего свя-

<sup>13</sup> В. Blanshard, указ. соч., с. 355.

того; не является исключением и здравый смысл», — утверждает Айер<sup>14</sup>. Тот факт, что в определенных философских системах делаются утверждения типа «пространство и время нереальны» или «никто не делает ничего по своей доброй воле» и т. п., Айеру кажется достаточным для утверждения того, что философия почти всегда находится в конфликте со здравым смыслом<sup>15</sup>, и, следовательно, большинство философских высказываний должны быть элиминированы, как бессмысленные. Нам кажется, что вывод Айера является правильным лишь для определенных философских систем, но Айер впадает в крайность, когда на один и тот же, противоречащий здравому смыслу, уровень ставит все философские системы. Айер здесь поступает подобно тому врачу, который, правильно определяя нездоровый орган, вместо того, чтобы удалить его, считает смерть лучшим выходом для больного. В связи с требованием Айера об элиминации философии как дисциплины, противоречащей здравому смыслу, возникает вопрос о том, каковы критерии различения истины от лжи на уровне здравого смысла. Чтобы ответить на этот вопрос, неопозитивисты построили теорию верификации. Айер утверждает, что на вопрос о том, «являются ли высказывания здравого смысла истинными или ложными, а также на вопрос о том, является ли тот или иной критерий удовлетворительным или нет, можно ответить не посредством философской аргументации, а лишь с помощью эмпирических наблюдений»<sup>16</sup>. Согласно неопозитивистам, именно эмпирический опыт дает возможность различить истинные высказывания от ложных. Высказывание считается осмысленным только в том случае, если наши наблюдения верифицируют его, осмысленность же высказывания непосредственно связана с его верифицируемостью. Как мы можем определить, например, является ли осмысленным высказывание «Львы имеют хвосты»? Чтобы верифицировать это высказывание, нам достаточно увидеть хотя бы одного льва, ибо тогда в нашем эмпирическом опыте имеется факт, который указывает на осмысленность этого высказывания. А вот такое философское высказывание, как, например, «материя первична по отношению к сознанию» не является осмысленным, так как не поддается верификации. В последнем случае, в нашем эмпирическом опыте мы не можем указать на факты, которые непосредственно верифицировали бы это высказывание. Таким образом, согласно неопозитивистам, принцип верификации, даже при его нестрогом применении, является достаточным основанием для элиминации философского знания.

Однако вскоре выяснилось, что принцип верификации ставит перед неопозитивистами такие трудности, которые невозможно преодолеть в рамках их философской концепции. Одна из основных трудностей была связана с тем, что проблема истины в неопозитивизме получила чисто субъективистскую трактовку. Из принципа верификации вытекает, что как осмысленность, так и истинность или ложность высказывания целиком зависят от субъекта познания. Рассказывают, что «в Смит-колледже» (США) студентки спросили у Дьюи, не являлось ли истинным высказывание Колумба о том, что земля круглая, до того, как кто-то установил эту истину посред-

<sup>14</sup> А. J. Ayer, указ. соч., с. 330.

<sup>15</sup> Там же, с. 317.

<sup>16</sup> Там же, с. 320.

ством плавания вокруг земли<sup>17</sup>. Этот аргумент правомерен и для неопозитивизма.

Другая серьезная трудность связана с тем, что последовательное применение принципа верификации приводило к элиминации не только философских высказываний, но и тех высказываний науки, посредством которых выражаются общие законы. И, действительно, согласно принципу верификации, мы не можем считать осмысленным любой общий закон науки, так как невозможно верифицировать все те единичные случаи, которые подчиняются данному закону. Из этих трудностей попытался найти выход К. Поппер в своей теории фальсификации<sup>18</sup>. Поппер выдвигает более слабое требование, а именно: если посредством теории верификации устанавливалась истинность высказываний, то принцип фальсификации устанавливает ложность высказываний. Согласно принципу фальсификации, считается, что если в нашем эмпирическом опыте мы находим факты, которые противоречат определенному высказыванию, то этим устанавливается ложность высказывания; если же таких фактов не имеется, то высказывание не считается ни истинным, и ни ложным, а просто остается в применении. Здесь, подобно предыдущему случаю, фальсифицируемость высказывания непосредственно связана с его осмысленностью, но опять же на основе эмпирических данных. В результате, философские высказывания элиминируются как нефальсифицируемые, а, следовательно, и как бессмысленные. Однако теория фальсификации ничего нового не дала. Оказалось, что здесь возникают те же трудности, что и в случае теории верификации: применение принципа фальсификации приводит к одинаковым результатам и в философии, и в науке. Из этого следует, что принципы как верификации, так и фальсификации не справились с задачей различения философских высказываний от научных, сведя их к наличию или отсутствию эмпирических данных.

Неопозитивисты пытались показать бессмысленность не только философских высказываний, но и основных философских понятий. Была поставлена цель показать, что дефективность философской аргументации объясняется не только тем, что философия оперирует бессмысленными высказываниями, но и тем, что употребляемые в этой дисциплине понятия двусмысленны и противоречивы. По этому поводу Р. Крошай-Виллиамс указывает, что «...в философии нет твердого соглашения об определениях таких понятий, как «истинно», «доказано», «верифицируемо» и т. д. А эти слова являются ключевыми для оценки философских высказываний»<sup>19</sup>.

Чтобы показать, как бракуются основные философские понятия, в качестве примера рассмотрим понятие «истина», тем более, что этому понятию было уделено особое внимание в неопозитивизме. Существуют различные варианты, указывающие на противоречивость этого понятия, мы же остановимся на варианте Ф. Вейсмана<sup>20</sup>. Вейсман рассматривает два высказывания, типа «Истинно, что идет дождь» и «Идет дождь», и ставит вопрос: добавляют ли слова

<sup>17</sup> B. Blanshard, указ. соч., с. 342.

<sup>18</sup> K. Popper, *The Logic of Scientific Discovery*, London, 1959.

<sup>19</sup> R. Crawshay-Williams, *Methods and Criteria of Reasoning*, London, 1957, p. 4.

<sup>20</sup> F. Waismann, указ. соч., с. 353—355.

«истинно, что...» что-нибудь дополнительно к той информации, которая содержится в высказывании? Здравый смысл нам подсказывает, что да, так как во втором предложении мы утверждаем, что идет дождь, а в первом предложении мы не только утверждаем, что идет дождь, но и что это наше утверждение является истинным. Однако такая трактовка сразу приводит к затруднениям. Возникает вопрос, в каком все-таки смысле первое высказывание содержит в себе больше информации, чем второе. Вейсман указывает, что сравнение таких высказываний, как «Этот предмет красный» и «Этот предмет имеет цвет» показывает, что первое высказывание содержит в себе больше информации, чем второе по той простой причине, что второе высказывание вытекает из первого, а не наоборот. Иначе говоря, если имеются два высказывания  $p$  и  $q$ , то  $p$  содержит в себе больше информации, чем  $q$ , если и только если осмысленным является  $\sim p \cdot q$ , а противоречивым является  $p \cdot \sim q$  (где « $\sim$ » есть знак отрицания, а « $\cdot$ » есть знак конъюнкции). Если тот же принцип применить к первоначальным высказываниям, то получится—«не истинно, что идет дождь и идет дождь», т. е. в этом случае бессмысленным выглядит конъюнкция  $\sim p \cdot q$ . На этом основании Вейсман приходит к выводу, что слова «истинно, что...» ничего нового к содержанию высказывания не добавляют и, при употреблении таких слов мы обязаны выяснить их смысл.

К этому примеру Вейсмана у нас два замечания. Во-первых, нам кажется, что рассуждения подобного рода не указывают на какое-либо существенное различие употребления понятий в науке и в философии. Если даже Вейсман прав, то употребление таких научных терминов, как «доказано, что...», «экспериментально показано, что...» и т. д., мало чем отличается от философского употребления термина «истинно, что...». Чтобы убедиться в этом, достаточно применить те же рассуждения Вейсмана к любому из этих научных понятий и результаты будут примерно одни и те же. Подобного рода способы определения дефективности основных философских понятий автоматически приводят к тому, что бракуются такие важные научные понятия, без которых немислима ни одна конкретная наука. Во-вторых, неправомерно сравнение на одном языковом уровне высказываний, содержащих и не содержащих слово «истинно». Ведь высказывания типа «Идет дождь» указывают на определенные явления реальной действительности, в то время как высказывания типа «истинно, что идет дождь», помимо этого, устанавливают еще и определенное отношение между нашим сознанием и этими явлениями реальной действительности. Иначе говоря, если высказывания первого типа указывают, что определенные явления имеют место, то высказывания второго типа не только утверждают, что определенные явления имеют место в реальной действительности, но и что эти явления адекватно стражены в сознании человека. И это последнее есть то, что привносится в высказывание словом «истинно», причем таким образом, что высказывание получает иное содержание. А в этом случае высказывания этих двух типов не могут быть поставлены на один и тот же языковой уровень.

Из рассмотренного примера можно сделать вывод, что философские понятия не так уж двусмысленны или противоречивы, т. е. дефективны, как это пытаются представить неопозитивисты. В этом аспекте противопоставление конкретных наук и философии не имеет серьезных оснований.

Надо, однако, отметить, что неопозитивизм оказал на философию то положительное влияние, что заставил философов со всей серьезностью отнестись к доказательности и убедительности фило-

софских высказываний, а также к философской аргументации. И не случайно, что именно после неопозитивистской критики появилось множество работ как по теории аргументации, так и по проблемам философской аргументации.

3. Пора вернуться к тому утверждению неопозитивистов, с которого мы начали: философская аргументация, согласно неопозитивистам, не похожа ни на математическое доказательство, ни на экспериментальное обоснование; именно это утверждение приводит Вейсмана к тому выводу, что «все доказательства в хорошей книге по философии могут быть отброшены без всякого ущерба для убедительности»<sup>21</sup>. Очевидно, что в этом вопросе неопозитивисты следуют традиции Юма, который отождествлял математический метод с дедукцией, а экспериментальный метод с индукцией. И так как философское знание не является ни тем и ни другим, оно, следовательно, должно быть элиминировано. Совершенно прав Дж. Пассмор, утверждая, что при таком подходе «дедуктивные аргументы не различаются от дедуктивной системы, имеющей форму самоочевидного аксиоматического базиса»<sup>22</sup>. Пассмор считает, что если философия не является аксиоматической системой, то это не означает, что в философии нет дедуктивных аргументов. Думается, что Ф. Вейсман совершает именно отмеченную Пассмором ошибку, когда утверждает, что «...философские аргументы не являются цепочками логических умозаключений, ...и не могут иметь дедуктивные формы»<sup>23</sup>. На неправильность утверждений подобного рода указывает хотя бы такой факт, что в наших самых простых философских рассуждениях мы пользуемся выражениями, имеющими формулу «А есть В», «А есть С, так как А есть В и В есть С» и т. д. И это так и должно быть. Может ли философия, будучи определенной сферой человеческого мышления, не пользоваться теми формами мысли, которые свойственны всякому мышлению? Другое дело, когда мы ставим вопрос, какая логическая взаимосвязь существует между наиболее общими и менее общими высказываниями философии? Какова логическая схема перехода от более общих высказываний к менее общим, или наоборот? Ясно, что эта схема в философии не может быть дедуктивной системой. Но, как отмечает Пассмор, «то же самое верно и для научных принципов. Экспериментальная проверка научных теорий представляет из себя дедуктивный процесс, он состоит в проверке истинности определенных следствий теорий; и принимаем ли мы определенную теорию, это зависит от результата такой аргументации, но сами научные теории не являются дедуктивными следствиями»<sup>24</sup>.

В естественности специальные высказывания приобретают свое значение не посредством дедуктивных аргументов, а только посредством их соотношения с принятыми общими теориями или принципами. С. Тульмин, ссылаясь на Коллингвуда, указывает, что в конкретных науках «специальные утверждения либо «появляются», либо «не появляются» в зависимости от принимаемых общих принципов. И общие принципы относятся к специальным утверждениям не как аксиомы к выводимым из них следствиям, а скорее как «предпосылки»

<sup>21</sup> Там же, с. 374.

<sup>22</sup> J. Passmore, *The Place of Argument in Metaphysics* („Metaphysics“, New Jersey, 1966, p. 360).

<sup>23</sup> F. Waismann, указ. соч., с. 376.

<sup>24</sup> J. Passmore, указ. соч., с. 361.

к опирающимся на них вопросам. Таким образом, значимость и приемлемость сравнительно узких понятий и концепций естествознания обусловлена значимостью и приемлемостью более широких понятий и концепций<sup>25</sup>. В качестве примера С. Тульмин приводит тот факт, что частные динамические объяснения в классической физике предполагают ньютоновское понятие инерции, а последнее в свою очередь предполагает идею инерциального принципа некоторого рода. Тульмин делает вывод, что «такая общая идея, как идея инерции, является для динамики «фундаментальной» в том смысле, что без некоторого идеала инерции динамика не могла бы тронуться с места»<sup>26</sup>. Из вышесказанного ясно, что в естествознании общие предположения определяют содержание менее общих положений и являются условием их истинности в том смысле, что истинность или ложность частных положений зависит от истинности или ложности общих положений. Аналогичную же ситуацию мы наблюдаем в философии. И в философских системах принятые общие предпосылки определяют решение менее общих проблем. Например, в философии такие проблемы, как взаимоотношение субъекта и объекта познания, причинности, свободы и необходимости и т. д. решаются в зависимости от того, как решается основной вопрос философии. И, естественно, что противоположные, в том или ином смысле, решения наиболее общих проблем (например, основного вопроса философии) приводят и к противоположному решению менее общих проблем.

Различение логической системы и логических форм аргументирования и критика неопозитивизма в этом вопросе дают нам право утверждать, что философия и конкретные науки имеют одинаковую общую схему решения своих проблем.

Рассмотренные же проблемы аргументации в неопозитивизме в целом приводят нас к следующим выводам:

1. Философская аргументация отличается от естественнонаучного доказательства не дефективностью первой, а различием характера и специфики объекта исследования. В этом различии надо искать ключ для различения философского и естественнонаучного споров.

2. Неопозитивистское противопоставление философии конкретным наукам не имеет серьезных оснований. Философское и естественнонаучное исследования подчиняются одним и тем же закономерностям научного исследования.

3. Логическая схема построения теорий является одной и той же как в философии, так и в естествознании.

ՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ՓԱՍՏԱՐԿՄԱՆ ՊՐՈՌԵՍՐ ԵՆՈՊՈԶԻՏԻՎԻԶՄՈՒՄ

ՊԱՂԵԼ ԱԳԱՅԱՆ

Ա. Մ. Գ. Ն. Գ. Ն. Ի. Մ.

Ներածողորմիկիստները ժխտում էին փիլիսոփայական գիտելիքի գիտական-  
նությունը՝ հիմնվելով երկու փաստարկի վրա: Առաջինը, որ փիլիսոփայու-

<sup>25</sup> С. Тульмин, Концептуальные революции в науке, в кн.: «Структура и развитие науки», М., 1978, с. 172.

<sup>26</sup> Там же, с. 173.

թյան մեջ բացակայում է առաջընթացը և հետևաբար փիլիսոփայական փաստարկումը չի կարող հանգեցնել նոր գիտելիքի, և երկրորդը, որ փիլիսոփայական դատողությունները ուղղակի անիմաստ են: Այսպիսի մոտեցումը բերում է փիլիսոփայության և բնագիտության հակադրմանը: Իրականում և՛ փիլիսոփայությունը, և՛ բնագիտությունը ենթարկվում են այն օրինաչափություններին, որոնք հատուկ են ցանկացած գիտական հետազոտությանը:

Փիլիսոփայական փաստարկումը տարբերվում է բնագիտական ապացույցից ոչ թե իր թերի, արատավոր կողմերով, այլ ուսումնասիրության օբյեկտի յուրահատկություններով:

Տեսությունների կառուցման տրամաբանական սխեման նույնն է թե՛ փիլիսոփայության, և թե՛ բնագիտության մեջ: